

Яков Мексин

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ КНИГЕ

Впервые опубликовано в: Книга детям. 1928. № 5–6. С. 39–44.

Ни в одной стране детская литература не подвержена такой суровой критике, как у нас. Советская детская книга находится под перекрестным огнем художественных, идеологических, педагогических, педологических, полиграфических и рыночно-потребительских оценок. Если принципиально эти оценки не только могут, но непременно должны быть согласованы, то на практике они в большинстве случаев расходятся. Следует ли удивляться тому, что редкая книга не числит за собой длинного ряда более или менее заслуженных упреков.

Немалая доля их падает на внешнее оформление детской книги.

В этой области мы встречаем особые трудности.

Несмотря на то, что детская литература существует около 150 лет, до сих пор не создано методики оформления детской книги. В высших художественных школах учат рисовать, гравировать, печатать, но не учат иллюстрировать детские книги. Таково же положение и на Западе. У меня сейчас под рукою «Die Literarische Welt», где в заметке о детской литературе немецкий автор жалуется: «Кроме великолепных машин, делающих чудеса, мы имеем художественные школы, в которых наша молодежь научается смотреть на вещи эстетически и разучивается видеть вещи по-детски».

Начинающий автор, даже если он талантлив и технически овладел рисунком, вынужден учиться преимущественно на собственных ошибках. Бесспорно, это самый невыгодный путь и для тех, кто производит детскую книгу, и особенно для тех, кто ее потребляет.

Это положение несколько облегчилось бы, если бы критика уделяла больше внимания внешнему оформлению детской книги. Но сама критика здесь бессильна, пока достаточно не изучены детские запросы и вкусы, взятые в возрастном, социальном и современном разрезе.

Необходимо также разработать и широко популяризировать гигиенические нормы оформления детской книги, о которых мы мало

заботимся. В последнее время гигиеническая нормировка применяется у нас к учебникам, между тем детская книга, читаемая более усердно, иногда «взасос» и без педагогического наблюдения, еще больше требует охраны детского здоровья.

Одна из главных задач наших — поднятие в стране художественной культуры, которая в течение столетий была привилегией господствующих классов и только теперь начинает проводиться в широкие массы.

Взгляды современных родителей и отчасти воспитателей гораздо консервативнее в области изобразительного искусства, нежели в области литературы, и это дурно влияет на издательскую практику, на педагогическую работу с детской книгой и на борьбу с безвкусицей и мещанством книжного рынка.

Проблема изучения и улучшения детской книги еще только начинает привлекать общественное внимание, и мы пока наблюдаем некоторую растерянность перед обилием случайных, мало обоснованных и часто противоречивых суждений, жалоб и требований.

С одной стороны, нашей детской иллюстрации приписываются все смертные грехи, с другой — мы слышим о небывалом расцвете нашей иллюстрированной детской книги, и это как будто подтверждается шумным успехом ее на ряде выставок в Германии, Дании, Италии, Франции и Англии. Наступил момент, когда необходимо учесть свои ресурсы и достижения и поставить перед собой с достаточной четкостью ближайшие проблемы и задачи.

Основной чертой советской издательской практики первых лет был отказ от литературного наследия и старых традиций. Стремясь круто повернуть идеологию детской книги к революционной современности, советский издатель предпочел опереться на молодых, начинающих писателей, лишенных профессиональной подготовки, но зато свободных и от профессиональной рутины. Однако небольшая доля традиционного материала фактически была использована. В области иллюстрации дело обстояло сложнее.

Средний качественный уровень нашей довоенной иллюстрации был крайне низок, особенно в дешевых изданиях. Немногие книги высокого художественного достоинства, созданные мастерами из круга «Мир искусства», как по цене, так и по изысканности стиля рассчитаны были на ограниченный круг потребителей. Помимо того, иллюстрации эти почти сплошь связаны с текстом неприемлемым и спорным в идеологическом отношении. Таким образом, советский издатель поставлен был перед необходимостью заново и в спешном порядке иллюстрировать всю свою продукцию. Если

принять во внимание, что в то время полиграфический аппарат наш был дезорганизован, что центр издательской работы переместился из Ленинграда в Москву, что одновременно вся наша система художественного образования претерпела коренную ломку, то станет ясно, какие трудности встретил на своем пути наш молодой иллюстратор.

Первым нашим достижением следует считать то, что наши художники, в большинстве новички, успешно справились с количественным заданием ежегодно подавать рынку несколько сот иллюстрированных детских книг. Число это в текущем году достигло тысячи, следовательно, превысило довоенную норму, так как при такой же общей годовой продукции прежние издатели заново иллюстрировали не более $\frac{1}{3}$ книг. Тот факт, что мы в нужный момент сумели широко развернуть иллюстративную работу и выдвинуть вперед молодые творческие силы, лишний раз подчеркивает наши большие художественные ресурсы, которые в области театра и кино уже получили мировое признание.

Второе достижение, составляющее заслугу наших художников, мы видим в том, что они сумели примениться к тяжелым производственным условиям. Надо было изобрести особые художественные приемы, чтобы замаскировать плохие качества нашей бумаги, краски, печати. Достаточно сказать, что на Западе трехцветка, а в последнее время офсет оттеснили на задний план литографию, которая у нас после столетней давности применения все еще остается господствующим способом репродукции в детской книге. И тут наш иллюстратор в поисках максимальной красочной звучности создает декоративный стиль, который переносит в детскую книгу некоторые принципы японской гравюры и современного плаката. Можно спорить против иных книг В. Лебедева, В. Конашевича, К. Кузнецова, но нельзя не восхищаться виртуозностью, с какой они побеждают нашу полиграфическую отсталость.

Интересно, что европейская пресса, сравнивая нашу продукцию с западной, отмечает необычайную свежесть нашей иллюстрации, ее мажорную декоративность и лаконичную экспрессию. Немецкие критики даже сетуют на то, что модный в Германии офсет приглушил красочность детской книги, и с горечью заключает: «В детской иллюстрации для убедительности меньше всего нужна машинная техника».

Третье достижение мы усматриваем в том, что молодой кадр иллюстраторов не только перенял у старшего поколения («Мир искусства») его книжную культуру, но в сравнительно короткий срок су-

мел обогатить детскую книгу, внося в книжный макет много вкуса, изобретательности и полиграфического чутья. Эта изощренность в последнее время даже стала избыточной, и нам приходится слышать жалобы на перегруженность и нервность некоторых наших книг.

Четвертое достижение, которое по недоразумению оценивается недостаточно или вовсе отвергается, заключается в том, что наш иллюстратор стал понемногу знакомиться с жизнью, запросами и вкусами детей, притом не в тесных рамках буржуазной семьи, а в разнообразных и широких социальных планах. «Нет ни одного уголка детской жизни, — говорят немцы, — который не нашел бы своего отражения в советской детской книге». Для проверки посмотрите несколько десятков западных книг, попытайтесь по иллюстрациям составить себе представление о быте и интересах детей данного народа, класса, возраста. Вряд ли вы найдете там много документального ценного материала. В этом отношении мы бесспорно впереди.

Можем ли мы, однако, считать достигнутые результаты удовлетворительными? Безусловно нет. Здесь мы подходим к тем упрекам, которые наша иллюстрация встречает на каждом шагу.

В течение нескольких лет я усердно собираю отзывы прессы о нашей детской книге и вылуциваю из них все, относящееся к ее внешнему оформлению. Подавляющее большинство отзывов выражают субъективные оценки рецензентов; небольшая часть опирается на опыт школьной или библиотечной работы; еще меньшее число является результатом специальной проработки данной книги в детской организованной среде. К сожалению, почти все отзывы грешат отсутствием формального анализа иллюстративного материала. Помимо того, в записях детских реакций нам часто трудно разграничить сферы влияний иллюстраций и текста. Расположив все отзывы по алфавиту художников, я с удовлетворением мог констатировать, что несмотря на безупречность каждого отзыва в отдельности, в общей массе они довольно правильно расценивают индивидуальные качества большинства художников. При этом очень часто высшие похвалы иллюстративному мастерству сопровождаются печальными добавлениями: «детям непонятно», «у детей вызывает недоумение», «раздражает детей» и т. д. Старая история — лучшие художественные силы растрачиваются бесплодно, а любимыми становятся детские книги, исполненные дилетантами. Тут уместно вспомнить немецкого «Степку-растрепку», который в одной Германии выдержал свыше 500 изданий, или

наши «Сказки бабушки Татьяны», имевшие большой успех, чем прекрасные книги А. Бенуа, Г. Нарбута, М. Добужинского. Ничего не поделаешь: со взрослым еще можно поспорить, детей же надо увлечь. К счастью, они самые неподкупные, искренние и благодарные читатели.

Я попытался сделать сводку из тех отрицательных ремарок, которых у меня накопилось несколько сот. Приведу самые существенные упреки.

Наш иллюстратор мало учитывает возраст детей, которых он рисует, и еще меньше возраст детей, для которых он рисует.

Этот самый частый и самый тяжелый упрек надо признать и наиболее заслуженным. Несомненно, что нашему художнику, особенно начинающему, не хватает бытовых наблюдений и знакомства с системой нашего общественного воспитания. Иллюстрирование детской книги становится такой заметной специальностью, что нашим высшим художественным школам пора подумать о более основательной подготовке молодежи. Недопустимо, чтобы люди, отдающие свой труд детям, не знали азбучных истин и смешивали ясельный (преддошкольный), дошкольный и школьный возрасты. Нам не легче от того, что у педагогов такие же проблемы в области изобразительного искусства. Старая и вредная распря между художниками и педагогами имела много социальных причин, из которых некоторые уже устранены. Надо во что бы то ни стало сблизить между собою этих мнимых противников, а для этого лучше всего вооружить их необходимыми знаниями раньше, чем они враждебно столкнутся на деле.

Педологическое изучение детской иллюстрации мало продвинулось вперед за последние десятилетия. Основные положения, установленные около двадцати лет назад В. Стерном и К. Ланге, в дальнейшем не были ни опровергнуты, ни разобраны детально. Эти положения сводятся к следующему: дети дошкольного возраста предпочитают схематический рисунок без индивидуализирующих образ деталей, без сложной перспективы, без загромождения рисунка предметами, без пересечения или заслонения одних предметов другими, без условного сечения изображения по горизонтали и вертикали, без деформирующих изображение разрывов контура или цветной поверхности. Масштаб рисунка обычно не затрудняет детей, но диспропорциональность изображений или частей может осложнить восприятие. Уже в раннем дошкольном возрасте ребенок так же хорошо узнает черный рисунок, как и цветной. Цвет радует ребенка, но не облегчает узнавания. И обратно: отступление

Рис. 1. Алексей Федорович Пахомов, Рекламный плакат «Детские книги ГИЗа». 1928–1929. Цинкография, автотипия с оригинала акварелью

от натуралистической расцветки (в декоративном рисунке) не затрудняет узнавания. Аналогичный пример — народные игрушки.

Эти элементарные положения, к сожалению, известны нашим художникам и попираются ими на каждом шагу. Те же немногие книги, которые исполнены под руководством педагога или педолога, перегружены дидактическими заданиями и малоценны в художественном отношении.

Педология еще не разрешила одной из центральных проблем детской иллюстрации: какая художественная концепция (классическая, романтическая, реалистическая, импрессионистическая и т. д.) более отвечает особенностям восприятия каждого возраста. Также не выяснено, какая дистанция существует между собственным творчеством ребенка и его притяжением к определенному стилю взрослого творчества, и остается ли эта дистанция посто-

янной или изменяется под влиянием биологических и социальных факторов.

В числе упреков, которые приходится слышать по адресу современной иллюстрации, пестрят реплики: «безграмотный рисунок», «деревянные фигуры», «где художник видел таких пионеров» и т. д.

Надо признать, что во многих случаях мы действительно видим слабый рисунок, но дело не только в этом. Всякая условность, малейшее уклонение от реализма (экспрессионизм, примитивизм и пр.) часто трактуются опрометчивым рецензентом как «безграмотность». Этот конфликт обостряется еще особо ревнивым отношением нашей эпохи к собственному отображению в искусстве. Тут необходимо ради объективности принять во внимание болезненную ломку стилей, которую претерпели все искусства за последнее десятилетие. Разумеется, детская книга не пользуется никаким иммунитетом. Уже давно доказано, что главнейшие стили большого искусства рано или поздно приходят и в детскую литературу, иногда задерживаясь в ней много дольше, чем на своей главной арене. Надо ли удивляться тому, что в нашей стране, где иллюстративное искусство сосредоточилось преимущественно в детской книге, детская иллюстрация стала лабораторией для опытов, кажущихся многим рискованными. Мы видим, что в смежных искусствах эволюция идет в сторону реализма, притом реализма, обогащенного всеми формальными достижениями последнего периода. Это же мы отмечаем и в детской иллюстрации. Не будем излишне требовательны и чрезмерно нетерпеливы! Мы наблюдаем на примерах театра, живописи и литературы, как медленно и трудно протекает этот процесс обновления. У нас нет оснований относиться к нему с недоверием. Наоборот, еще никогда русская детская книга не была богата такими разнообразными молодыми многообещающими талантами. Надо, однако, пожелать, чтобы наш художник видел свою задачу не только в разрешении проблем формального порядка и не в протокольной регистрации фактов нашей современности, а в творческом содействии общему культурному строительству. Вспомним известную английскую художницу Кэт Гринерей, которая в течение нескольких десятилетий обслуживала европейскую буржуазию, создавая в своих иллюстрациях образцы детского платья, детской мебели и идеализированные картины детского быта. Пусть же нашего иллюстратора увлекут бесконечно более высокие идеалы трудового, творческого, социалистического воспитания, и пусть, наконец, детская книга поможет нам направить детство и, следовательно, преобразить человечество.